

ДЕТСКАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
КЛАССИКА

ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ КЛАССИКА

А. КОНАН ДОЙЛ
ЗАТЕРЯННЫЙ
МИР

Рисунки В. Неручевой

Издательство
АСТ

Глава I

ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ

Мистер Хангертон, отец моей Глэдис, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда, весьма добродушного, но занятого исключительно собственной особой. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так только крайнее нежелание обзавестись глуповатым тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих рассуждений о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным знатоком.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценивании денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуются немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом. — Что тогда будет при существующем порядке вещей?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон, недовольный моим ответом, вскочил с кресла, отчитал меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишаящее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя как солдат, ожидающий сигнала к атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня!

Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров «Дейли-газетт», — чисто товарищеских, добрых и не знающих разницы между полами. Мне претит, когда женщина держится со мной слишком свободно, слишком смело. Это не делает чести мужчине. Если возникает чувство, ему должна сопутствовать скромность, настороженность — наследие тех суровых времен, когда любовь и жестокость часто шли рука об руку. Не дерзкий взгляд, а уклончивый, не бойкие ответы, а срывающийся голос, опущенная долу головка — вот истинные приметы страсти. Несмотря на свою молодость, я знал это, а может быть, такое знание досталось мне от моих далеких предков и стало тем, что мы называем инстинктом.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так привлекают нас в женщине. Некоторые считали ее холодной и черствой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет — довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного братца!

Вот какие мысли бродили у меня в голове, и я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... Столь же непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции. — Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих. — Нет, Глэдис, я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы все испортили! — сказала она. — Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит это! Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый это придумал! — взмолился я. — Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить!

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грации и снисхождения было в этом жесте! — и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале, — пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо. — В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он! Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне не хватает? Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, теософ, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспособ-

ливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — он человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что отсвет ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертон. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из ее книги о муже? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако вовремя сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли, — сказал я. — Да и возможности такой не представляется. Мне, во всяком случае, не представилось, а я бы ею воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России, где этот смельчак и опустился. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит. Какую, наверно, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня муж — герой!

— Ради вас я сделал бы то же самое!

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала. — Она с интересом посмотрела на меня. — Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутой мне руки — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я. — Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я воспользоваться им. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! Скромный клерк, а покорила Индию! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ее рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэри! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию! У меня просто не хватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим наш сегодняшний разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему.

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли-газетт», провел этот вечер в редакции, когда в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, за-

ставившей меня рисковать жизнью ради ее прославления, — бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познает пыл первой любви.

Глава II

ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ У ПРОФЕССОРА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Мак-Ардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разреженной атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события, как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в свое святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недостижимым, и мы обычно имели дело с Мак-Ардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошел в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысину.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по всему, что мне приходится слышать, вы делаете успехи, — приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саутуорке. У вас все данные хорошего журналиста. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Мак-Ардла испуганно забегали по сторонам.

— Гм! Гм! А в чем дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

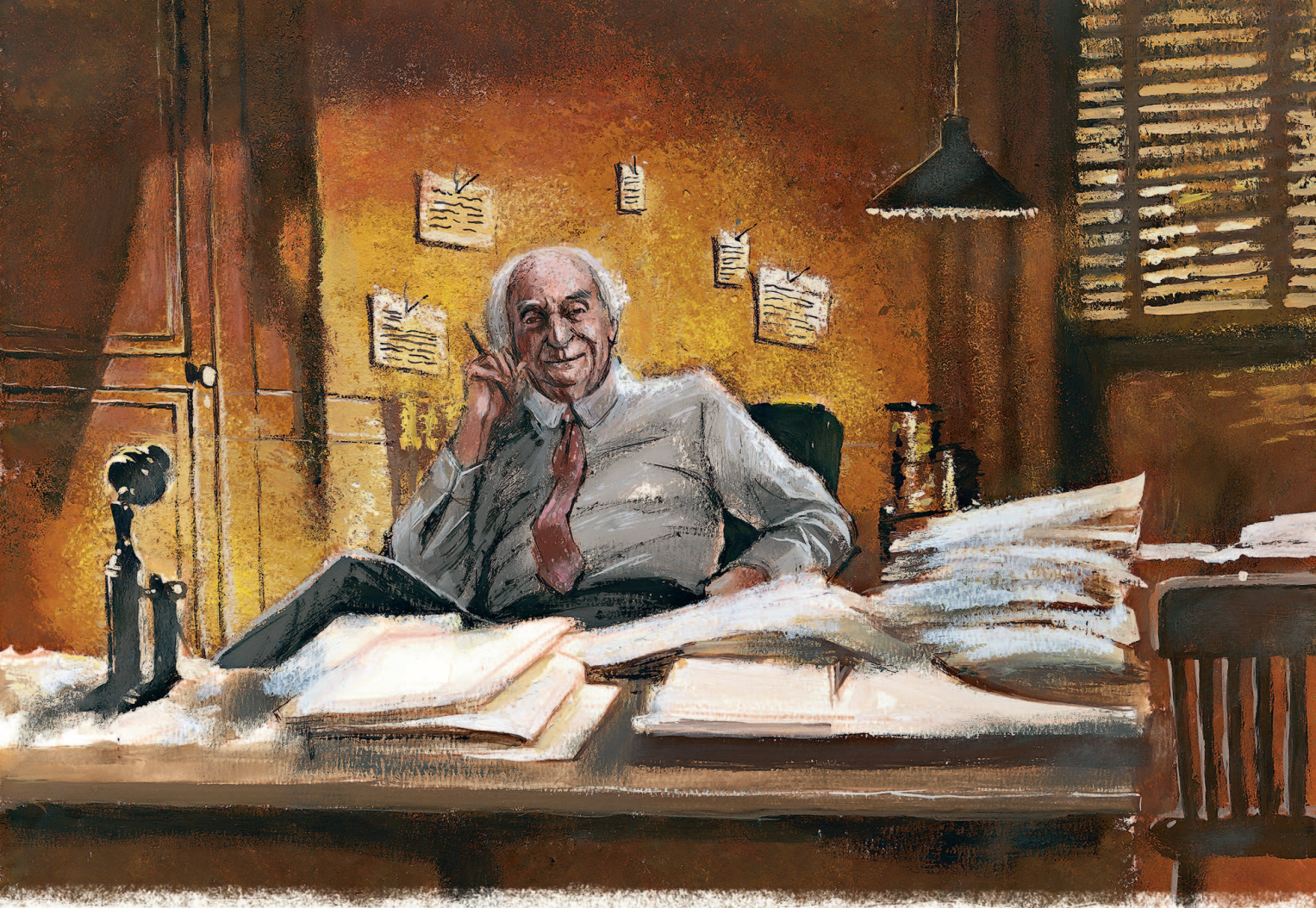
— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, не прочь распротиться с жизнью?

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком... слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя. И, во всяком случае, такие поручения даются человеку

с именем, который уже завоевал доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размышлялись о романтических приключениях! Впрочем, постойте... — добавил он и вдруг улыбнулся. — Кстати, о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхгаузена, и поднимем его на смех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на все!

Мак-Ардл погрузился в размышления.

— Есть один человек, — сказал он наконец, — только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чем тут дело, — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность, — но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытать счастья у профессора Челленджера? Он живет в Энмор-Парке.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграф»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение.

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр, — ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не вовремя к нему попал или не так с ним обошелся. Надеюсь, что вы будете удачливее. Полагаюсь также на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счетом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла, — сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В свое время я интересовался этим субъектом. — Он вынул из ящика лист бумаги. — Вот вкратце, что о нем известно: «Челленджер Джордж Эдуард. Родился в Ларгсе в 1863 году. Образование: школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 году — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ...» Ну, тут следует длиннейшее перечисление, строк на десять петита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее, экс-президент Палеонтологического общества, Британская ассоциация и тому подобное. Печатные труды: «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана», вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. Любимые развлечения: пешеходные прогулки, альпинизм. Адрес: Энмор-Парк, Кенсингтон». Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что вместо краснощекой физиономии Мак-Ардла на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое совершил?

Глазам моим снова предстала краснощекая физиономия.

— Что он совершил? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, по-видимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать,

более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают, фальсифицированные. До того его довели, что он стал буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортера спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто профан, балующийся наукой и к тому же одержимый манией человекоубийства. Вот с кем вам придется иметь дело, мистер Мелоун. А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него все, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов, риск не так уж велик, принимая во внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймленный рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я отправился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на темную, подернутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его при свете улич-

ного фонаря. И тут на меня нашло вдохновение, иначе это никак не назовешь. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортеру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул свое кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тарп Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу.

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился. — Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диких животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во всяком случае, он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтеру. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьез, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутительным поведением. Бедняга Уэдли из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: *«Президент Зоологического института выражает свое уважение профессору Челленджеру и сочтет за любезность с его стороны, если он окажет институту честь присутствовать на его очередном заседании»*. Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягченном виде он звучит так: *«Профессор Челленджер выражает свое уважение президенту Зоологического института и сочтет за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям»*.

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдли. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки...» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну, а что еще вы мне расскажете об этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается